

Часть I

Изобретение России

Глава 1

Рождение царства

Холодным осенним днем 12 ноября 1472 года великий князь Московский Иван III венчался с Софьей, дочерью деспота Морей Фомы Палеолога. Это был второй брак Ивана и первый — Софьи. Таинство совершилось в деревянной церкви близ недостроенного Успенского собора. У летописцев не было единого мнения, кто его совершил — митрополит или обычный священник. Но как бы скромно ни выглядела церемония, символическое значение ее оказалось велико. Правитель Московии не только породнился с византийскими императорами, но и наследовал им. Дядя Софьи, Константин XI, погиб 29 мая 1453 года, участвуя в обороне Константинополя от турок. С ним погибла и Византия — но не имперские амбиции православных государей. Иван III, взяв Софию в жены, облачился в мантию византийских властителей.

Вероятно, римские контакты супруги помогли ему пригласить группу итальянских архитекторов для постройки нового Кремля: обиталище московских князей Иван превратил в подобающий царскому величеству замок. В 1485 году в Москву приехал Марко Руффо, под чьим руководством в Кремле начали возводить палаты и храмы. Руффо вместе с прибывшим несколькими годами позже Пьетро Антонио Солари построил Грановитую палату — роскошно декорированный зал для царских пиров. Солари, работавший в Москве с 1487 года, руководил постройкой кремлевских башен, среди прочих

и Спасской. Над воротами этого знаменитого символа России и Москвы поныне видны две надписи: снаружи по-латыни, внутри по-русски. На второй государь и архитектор увековечены такими словами:

В ЛЕТО 6999 ИУЛИА БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
СДЕЛАНА БЫСТ СИА СТРЕЛНИЦА ПОВЕЛЕ-
НИЕМЪ // ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГДРА И СА-
МОДРЪЖЦА ВСЕЯ РУСИИ. И ВЕЛИКОГО КНЗЯ
ВОЛО//ДИМЕРЬСКОГО. И МОСКОВСКОГО И НОВОГО-
РОДСКОГО. И ПСКОВСКОГО. И ТВЕРЬСКОГО.
И ЮГ//ОРСКОГО И ВЯТСКОГО. И ПЕРМСКОГО.
И БОЛГАРСКОГО. И ИНЫХ ВЪ 30 Е ЛЕТО ГДР//
БСТВА ЕГО А ДЕЛАЛЪ ПЕТРЪ АНТОНИЕ
ОТ ГРАДА МЕДИОЛАНА¹.

Титул Ивана перечислял владения как старые, так и новые. Его брак и грандиозное строительство указывали на имперское грядущее, но титул правителя “всея Руси” говорил о настоящем и напоминал о минувшем — о далеких корнях его государства и династии. Ученые говорят о двойном происхождении самодержавия московского князя, который правил одновременно и как хан, и как византийский василевс (император), сочетая в себе светскую и религиозную власти. Сосредоточившись на этом дуализме, многие упускают из виду, что титул “великий князь” сохранял свою значимость и оставался важнейшим для самоидентификации Ивана III и его наследников. Титул связывал их с давно ушедшими правителями Киевской Руси, позволяя князю претендовать на верховенство над всеми землями, ранее бывшими под властью киевских князей — от Черного моря на юге до Белого моря на севере.

В основе прав Ивана Васильевича на Москву, Владимир, Новгород, Псков и другие стольные грады лежало его происхождение — он принадлежал к потомкам Рюрика, легендарного

норманнского конунга IX века. Концепция династии Рюриковичей, неизвестная в киевскую эпоху, как раз и была сформулирована в Москве во времена Ивана Великого или же вскоре после его кончины.

Рюриковичи правили Киевской Русью — мощным государством, расцвет которого пришелся на XI и начало XII веков, а имя которому дали историки XIX века. В ряду самых почитаемых князей был и Владимир, с рассказа о памятнике которому начинается эта книга. Он правил с 980 по 1025 год и принес византийское православие на Русь. За это свершение православная церковь причислила его к лику святых. Так же знаменательна фигура его сына Ярослава Мудрого (1019–1054). Он построил в центре Киева Софийский собор, традиция приписывает ему и первый свод законов, и покровительство летописанию. Был еще один Владимир — Мономах, родственник византийского императора Константина IX Мономаха. За двенадцать лет на киевском троне (1113–1125) ему удалось восстановить пошатнувшееся было единство страны.

Правление Рюриковичей как независимых князей завершилось в середине XIII века, когда монгольские орды, в чьих рядах было много тюрков-степняков (на Руси их называли татарами), разорили Русь и подчинили ее правителей. В 1237 году послы Батые, внука Чингисхана и основателя самого западного монгольского улуса, потребовали у великого князя Владимирского Юрия сдаться. Тот ответил отказом. Вскоре кочевники осадили и разрушили Рязань и другие русские города. Сам Юрий погиб в бою в марте 1238 года. Через год монголы опустошили Переяславль (сегодня Переяслав), за ним и Чернигов. Осенью 1240 года их войско подступило к столице некогда огромной державы. Киевляне не желали покоряться, и городские стены затрещали под ударами осадных орудий.

“Поставил Батый пороки около города, у Ляшских ворот, — рассказывает летописец, имея в виду нынешний центр Киева. — Тут вплотную подступали заросшие лесом овраги. Пороки непрестанно били день и ночь и пробили стены”². В начале декабря темнело рано. Согласно летописи, ворвав-

шись в город, монголы ограничились захватом оборонительных валов и стали ждать рассвета. Десятинная церковь, первый каменный храм в столице, стал последним пристанищем тех, кто не желал сдаваться. Летописец рисует картину взятия Киева: “Люди укрылись в церкви, влезли на церковные своды вместе со своим добром, и от тяжести рухнули вместе с ними стены церковные. Так город был захвачен воинами”³.

Земли, ранее объединенные вокруг Киева, более не входили в общее государство, а управлялись князьями, которые боролись друг с другом за власть и влияние. Перед приходом завоевателей большинство князей северо-востока (нынешней Центральной России) признавали сюзеренитет великого князя Владимирского. Юго-Западной Русью, включая Киев, правил галицко-волинский князь, Новгородская республика на северо-западе пользовалась полной самостоятельностью. Монгольское вторжение создало новые предпосылки для раздела бывшего Киевского государства. Над большей частью тех земель, на которых расположены современные Украина и Белоруссия, правление Орды было непрямым и длилось где полвека, где век. Затем эти земли вошли в состав Великого княжества Литовского или Польского королевства. На севере и востоке ситуация складывалась по-другому. Монголы установили жесткий контроль над территорией будущего Российского государства.

Орда контролировала северные русские земли, включая Новгород, через вассала, жалуя тому ярлык на великое княжение Владимирское. За этот титул боролись различные ветви княжеской династии. Убедив хана в своей верности и способности справиться с этой ролью, князь получал не только престиж, но и новые рычаги власти и новые доходы. Ханы давали ярлык то одному Рюриковичу, то другому, чтобы конкуренция побуждала тех ревностнее собирать дань.

Натравливая одно княжество на другое, Орда стремилась избежать возникновения точки возможного объединения — но все же проглядела его. В течение XIV века Москва стала влиятельным центром подвластной монголо-татарам Руси.

В 1238 году, во время вторжения на Северо-Восточную Русь, она была столицей маленького удела, не имевшего собственной княжеской династии. Получила Москва ее уже при монголах. Князья вели свой род от младшей ветви Рюриковичей*, но политические таланты и расположение их земли на перекрестке торговых путей позволили им превратить Москву в самое мощное княжество на северо-востоке Руси. В 1317 году московский князь Юрий Данилович женился на сестре хана Золотой Орды** и тем самым добыл ярлык на великое княжение Владимирское и полномочия представителя Орды на северо-востоке Руси.

В борьбе за великокняжеский титул главным соперником Москвы стало Тверское княжество, находившееся на полпути между Москвой и Новгородской республикой и более могущественное, чем Москва. Московские князья, чья столица располагалась ближе к Владимиру — городу, где традиционно правил великий князь, и к степи, которую контролировали ордынцы, — сумели обойти своих конкурентов. Важнейшим фактором в неожиданном взлете Москвы стал переезд в княжество митрополита всея Руси, главы православной церкви. На рубеже XIII и XIV веков он перенес митрополичью кафедру из Киева во Владимир. Но вскоре сам поселился в Москве, откуда окормлял огромную митрополию, которая охватывала все русские земли, находившиеся под ордынским контролем, и те, что оказались уже в литовских владениях. Светские и духовные правители Москвы демонстрировали Орде свою лояльность и совместными усилиями превратили город в подлинную столицу Северо-Восточной Руси.

К середине XV века московские князья, как главные ханские наместники на Руси, уже могли бросить вызов самим ханам. Орду терзали междоусобицы, и некогда мощная держава хирела на глазах. Московские князья уже претендовали

* Родоначальником династии московских князей считается младший сын Александра Невского — Даниил Александрович (1261–1303). (Прим. ред.)

** Князь Юрий Данилович (1281–1325) женился на сестре хана Узбека — Кончаке (в крещении Агафия, ?–1317). (Прим. пер. и ред.)

не на ярлык, а на независимость Руси. Первым, кто получил титул великого князя всея Руси, стал Семен Гордый. В середине XV века Василий Темный (ослепленный соперниками в борьбе за престол) уже серьезно претендовал на сюзеренитет над Русью. Но только в правление его сына Ивана III, необычайно прозорливого князя, который вступил на великокняжеский стол в 1462-м и правил до 1505-го, цель обретения независимости была достигнута.

Иван стал правителем всех земель, что еще недавно подчинялись Орде. Для укрепления собственной власти над вольнолюбивыми соплеменниками и подрыва авторитета ханов он полагался не только на военную мощь, но и на убедительные аргументы исторического и правового характера. Идеология его царства покоилась на двух столпах: династии и отчинном праве. Оба уходили корнями во времена Киевской Руси. Образы царского будущего и княжеского прошлого, гармонично подпитывая друг друга, в XV и XVI веках вместе легли в основу российских государственности и идентичности.

В 1471 году, незадолго до женитьбы на Софье, Иван Васильевич одержал громкую победу в борьбе за власть над русскими землями, ранее подконтрольными Орде. Его войска разбили и покорили Новгородскую республику, намного превосходящую размерами и богатством прочие русские земли.

Многие историки видели в Новгороде демократическую альтернативу авторитарной тенденции в российской истории, чьим воплощением было Великое княжество Московское. С XII века город, чьи владения простирались от Балтийского моря на западе до Уральских гор на востоке и до Белого и Баренцева морей на севере, управлялся народным вече. Князьям оставили роль военачальников, действовавших по указанию горожан, а точнее, боярской верхушки республики. Доход республике приносили не только земли, но и торговля, ведь Новгород вывозил по Балтийскому морю меха и прочее сырье, а также обеспечивал всю Русь импортными тканями.

В 1470 году группа бояр во главе с Марфой Борецкой, вдовой одного посадника и матерью другого, договорилась с Казимиром IV, польским королем и великим князем литовским (два эти государства заключили унию в 1385 году). Казимир послал на помощь Новгороду Михаила Олельковича, сына киевского князя. Немного помог и сам Казимир IV, но уже в следующем году, когда Михаил вернулся на родину. Войско Ивана III при поддержке татарской конницы, бывшей у него на службе, атаковало новгородцев тем же летом. Жители города поняли, что им грозит, когда увидели, как их воины бегут с поля боя назад к стенам города с отрезанными носами и губами. Армия Ивана III приближалась к Новгороду, пленников калечили и нарочно отпускали домой, чтобы запугать оставшихся защитников города и местное население.

Генеральное сражение состоялось 14 июля 1471 года на реке Шелони. Москвичи уступали новгородцам численностью, но превосходили опытом и дисциплиной. Важную роль сыграли союзные Ивану отряды татар — они заманили армию новгородцев в засаду, преследовали и били бежавших с поля боя. Новгородские и московские летописцы по-разному изображают битву, но ее исход и значение были очевидны: Господин Великий Новгород покорился князю Ивану. По его приказу казнили плененного посадника Дмитрия Борецкого. До 12 тысяч новгородцев полегли в бою или при отступлении. Городу пришлось уплатить громадную дань — вдвое больше той, которую Москва платила Орде, — и забыть о союзе с Литвой. Республика была на коленях.

Военная мощь позволила Ивану не только подчинить Новгород, но и выйти на битву против Большой Орды — преемницы Золотой. Новый статус Великого княжества Московского и присоединение все новых земель требовали обоснования в глазах подданных и соседей. Согласно московским летописцам, которые очень кстати начали новый летописный свод в 1472 году, Иван взял Новгород и покарал республику за неповиновение его власти, унаследованной от Владимира Святого. Посол из Москвы якобы увещевал горожан словами

государя: “Отчина моя это, люди новгородские, изначала: от дедов, от прадедов наших, от великого князя Владимира, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрика, первого великого князя в вашей земле. И от того Рюрика и до сегодняшнего дня знали вы единственный род тех великих князей, сначала киевских... владеем мы вами, и жалуем вас, и защищаем отовсюду, и казнить вас вольны, коли на нас не по-старому начнете смотреть”⁴.

Ссылки на Рюрика для политической культуры Москвы были новшеством. Перед походами Ивана Васильевича на Новгород московские книжники не бравировали киевской родословной князя. Прежде московские великие князья искали поддержки в Орде, а в глазах наследников Чингисхана происхождение вассалов от Рюрика и Владимира не имело значения. Но упадок кочевой империи все изменил. В 1472 году князь Иван не только установил свою власть над Новгородом, но и вынудил ретироваться татар во главе с Ахматом, ханом Большой Орды. Встревоженный усилением Москвы, хан двинул свои войска к границам Московского княжества. Но умело организованная русскими оборона не дала ему переправиться через Оку. Враги отступили без боя, а Москва перестала платить им дань, давая понять прежним властителям, что владычество Орды закончено.

Но трудности с Новгородом и монголо-татарами для Ивана на этом не закончились. Через пять лет пьесу 1471–1472 годов разыграли те же действующие лица: Москва, Новгород и Орда. В октябре 1477 года новгородцы не желали соблюдать навязанный им Иваном новый договор и признавать его своим сувереном. Великий князь вновь повел армию на город и осадил его. Жители были вынуждены принести Ивану присягу на верность. В январе 1478-го Иван въехал в город. Новгородская республика канула в Лету. В Москву забрали вечевой колокол — символ новгородской демократии. Марфу Борецкую, главу оппозиционной Ивану партии, тоже увезли в Москву, а затем в Нижний Новгород, где вынудили принять постриг. В казну отошли земли новгородского архиепископа,

монастырей и бояр. Семьи главных “смутьянов” отправили в ссылку той же зимой.

За окончательным покорением Новгорода Иваном Васильевичем вновь последовала война с Большой Ордой. На этот раз хан рассчитывал на помощь Казимира IV, польского короля и литовского великого князя, недовольного падением Новгорода и усилением своего северо-восточного соседа. Осенью 1480 года войско Ахмата подошло к реке Угре и приготовилось к прорыву на север. Однако литовцы, позволив татарам пройти по своей территории, сами на бой не вышли. Им помешал набег на южные (главным образом украинские) земли еще одного наследника Золотой Орды — крымского хана. Без поддержки союзника Ахмат опять не рискнул переходить реку и повернул назад. Стояние на Угре вошло в русскую историю как символическое завершение долгой борьбы за избавление от татарского ига и утверждение суверенитета Московского княжества. Москва, захватив Новгород, начала отсчет своей истории как независимого “общерусского” государства.

К 1480 году Иван Васильевич безраздельно правил почти всеми землями, что не так давно признавали власть Орды. Но начертанный над воротами башни, построенной десять лет спустя итальянским архитектором, титул “государя и самодержца всея Руси” говорил о намного больших амбициях. В том же 1478 году, когда Москва покончила с новгородской вольностью, ее послы повели речь о правах Ивана на часть территории Польско-Литовского государства, включая Полоцк и Смоленск. К 1490 году посланники Ивана, апеллируя к киевскому происхождению московских князей, помимо упомянутых выше двух городов, замахнулись на сам Киев. В письме к Максимилиану I Габсбургу Иван Васильевич пишет, что с Божьей помощью надеется отвоевать “свою отчину Великое княжество Киевское, которым владеет Казимир, король польский, и его дети”⁵. В 1494 году великому князю литов-

скому Александру пришлось признать новый титул соперника — включая и “государя всея Руси”. В 1504 году литовские послы слышали от Дмитрия Володимерова, представителя Ивана III, что тот стремится вернуть наследие предков целиком: “Ано не то одно наша отчина, коя города и волости ныне за нами — и вся Русская земля, Киев, и Смоленск и иные города... с Божьею волею, из старины, от наших пра-родителей наша отчина”⁶.

Распространение притязаний правителя Московии на русские земли Великого княжества Литовского стало одновременно и предтечей, и следствием побед Москвы в серии военных столкновений конца XV и начала XVI веков. В 80-е годы XV века это были всего лишь пограничные стычки. Первая полномасштабная война вспыхнула в 1492 году. За ней последовал конфликт в 1500–1503 годах, воевали и в 1507–1508, 1512–1522, 1534–1537 годах — в целом это было почти полвека войны. Войска Московского княжества по большей части наступали, и только в начале XVI века продвижение было впервые остановлено. К тому времени границы владений московского князя продвинулись вглубь Литовского княжества: были взяты и Смоленск, и Чернигов. Как и в случае Новгорода, многих жителей этих городов принудительно выселили на восток, заменив подданными Василия Ивановича.

Причиной таких успехов служила не только доблесть воинов Московского государства, но и нежелание Казимира IV договариваться и объединять потомков Рюрика и Гедимины, чьи земли лежали в пределах Великого княжества Литовского. Пока Иван Васильевич на северо-востоке присоединял одно княжество за другим, опираясь на наследственное право, Казимир упразднил единственное удельное княжество в своих владениях — Киевское. Сделал это король и великий князь в 1470 году и тем самым отчасти предопределил провал Литвы на новгородском направлении, произошедший через год. Киевский стол занимали Олельковичи, потомки великого князя Ольгерда, одного из первых литовских правителей, чье династическое положение было

близко, если не равно, статусу самих великих князей литовских. Князь Михаил Олелькович, который приехал в Новгород, чтобы помочь республике обороняться от Москвы, принадлежал к киевской ветви этой семьи. Его спешный отъезд на родину в следующем, 1471 году объяснялся отчасти тем, что он рассчитывал стать наследником брата*. Не тут-то было. Казимир не просто запретил ему вокняжение в Киеве, но превратил княжество в воеводство и назначил в Киев своего представителя для управления им.

Киевские князья не простили Казимиру упразднения своего княжества и уничтожения надежд, с ним связанных. В 1480 году Казимир узнал, что неудачливый защитник Новгорода и оставленный без Киева Михаил Олелькович вместе с другими князьями вступил в заговор с целью убить Казимира и занять его трон. Заговорщики были арестованы, кому-то удалось бежать в Москву. Тем не менее заговор и одновременный набег крымского хана на южные окраины государства не позволили великому князю прийти на помощь хану Ахмату и вместе прорвать московскую оборону на Угре. Мало того что Казимир IV, не желая усиления удельных князей — Гедиминовичей, пассивно наблюдал за покорением Новгорода Иваном III, теперь интрига тех же князей лишила Большую Орду поддержки Литвы в ходе решающей схватки с Москвой.

Иван Васильевич не упустил шанс, который дала ему в 1492 году смерть короля и великого князя — за ней последовала распря между его сыновьями. Теперь можно было начать полноценное наступление на Литву, утверждаясь в своих правах на “всю Русь”. Пограничные князья были предоставлены самим себе, поскольку литовских войск или не было, или они были недостаточно сильны, чтобы защищать вассалов литовского князя. При таких обстоятельствах вассалы не считали себя более связанными обязательствами с литовским князем. Князь Семен Воротынский, один из “перебеж-

* Киевский князь Семен скончался в декабре 1470 года. (*Прим. пер. и ред.*)

чиков”, писал новому литовскому князю Александру: “Был есми, господине, у отца твоего, государя моего, у крестномъ целованьи на том, што было отцу твоему, осподарю нашему, за отчину за нашу стояти и боронити отъ всякого: ино, господине, ведомо тебе, что отчина моя отстала, и отецъ твой, господине, государь наш, за отчину за мою не стоял и не боронил”⁷. Молодой великий князь пытался задержать наступление Москвы военными и дипломатическими мерами. Успех его оказался весьма скромным. Александр вынужденно признал новый титул Ивана Васильевича — “государь всея Руси” и потерю значительной территории, включавшей близкий к Киеву Чернигов.

Правление Александра открыло эру, в которой польские короли и литовские князья воспринимали московскую угрозу более серьезно. Александр вынужденно отрекся от задуманных отцом реформ и пошел на сделку с могущественными княжескими кланами Литвы. Он стремился расположить к себе тех князей, чьи владения находились на Литовской Руси. В 1514 году московское войско было разбито под Оршей литовско-русской армией под началом одного из этих князей*. Неудержимое наступление войск Ивана III и Василия III на запад было остановлено. Война 1512–1522 годов временно ввела притязания московских государей на “всю Русь” в определенные рамки: включая Смоленск и Чернигов, но без Киева и Полоцка, сохраненных великими князьями литовскими. Помешали дальнейшему продвижению на запад также неурядицы в России после смерти Ивана Васильевича в 1505-м и особенно — его сына Василия в 1533 году. Но идею “возвращения” наследия предков, присвоенного Ягеллонами, в Москве никак не забыли.

Русско-литовские войны, начавшиеся с конфликта из-за судьбы Новгорода и продолжившиеся под лозунгом “собирания русских земель”, отчины киевских Рюриковичей, сделали Россию важным игроком на восточноевропейской

* Князя Константина Ивановича Острожского (1460–1530). (Прим. пер.)

сцене. Теперь она уже не боролась за независимость, а стремилась выйти за пределы границ, сформированных в монгольский период.

В 20-е годы XVI века московские книжники составили новый историко-генеалогический трактат — “Сказание о князьях владимирских”, где доказывалось родство русских государей (великих князей Владимирских) с римским императором Августом. Связь прослеживалась через легендарного Пруса, вымышленного родственника первого римского императора. Таким образом основатель Римской империи и правители Москвы обретали общих предков. Но что могло объединять князей владимирских и римлянина Пруса? Ответ, предложенный московскими авторами, прост: недостающим звеном была еще одна легендарная фигура — князь Рюрик, родоначальник киевской династии. Согласно летописи, Рюрик пришел на Русь с севера — из Прусской земли, именуемой в честь Пруса, которого Август назначил туда наместником. Династия Рюриковичей — термин и концепция, которые не существовали в Киевской Руси, — получили мощный толчок с созданием “Сказания”. На случай, если такой родословной окажется недостаточно, авторы нашли другое доказательство связи с Римом, причем намного лучше исторически обоснованное. Путь из Вечного города проходил через Царьград. Князья Московские и Владимирские происходили от Владимира Мономаха, великого князя Киевского (1113–1125). Прозвище тот получил от матери, родственницы византийского императора Константина IX Мономаха, который, в свою очередь, был родственником Августа. Так или иначе, все пути, по мысли московских книжников, вели в Рим. Согласно “Сказанию”, Константин подарил Владимиру императорские регалии, которые затем перешли к московским князьям. Среди них была шапка Мономаха. Скорее всего, этот восточный эквивалент короны изготовили в XIV веке в Золотой Орде. Принято считать, что собранная из золотых пластин шапка была подарком хана своему

верному вассалу. Теперь же шапку представили наследственным символом царской власти.

Шапке Мономаха и легенде о происхождении государей от Августа и Пруса было суждено сыграть немаловажную роль в венчании на царство Ивана IV Грозного. Он первым из московских правителей взшел на престол с титулом царя (слово происходит от латинского Цезарь — император, правитель правителей). В 1547 году состоялось венчание на царство Ивана шапкой Мономаха. Митрополит Макарий возглавил церемонию, наделявшую нового правителя божественной властью и подчеркивавшую киевские и римские истоки династии. Легенда об Августе послужила краеугольным камнем генеалогии русских царей, изложенной в Степенной книге — первой официальной истории Московии. Книга была заказана самим Иваном IV и создана при дворе митрополита Макария в 1560 году. Эта легенда читается и в росписи на стенах московских дворцов и храмов. Сигизмунд Герберштейн, впервые приехав в Россию во главе посольства Габсбургов в 1517 году, в 1549-м (уже при Иване Грозном) издал отчет о своих путешествиях. Там он упоминает и “бахвальство русских” — те верили, что и Рюрик, и “нынешний московский государь”⁸ происходят от римлян.

Римские предки пригодились Ивану Грозному дома, возвысив правящую династию над остальными князьями (не каждый князь был Рюриковичем), и за границей, поставив его на равных с западными правителями. Геополитические замыслы молодого царя в большой степени отличались от целей его отца и деда. Иван перенес фокус своей внешней политики с собирания русских земель к собиранию ордынских владений. В 1552 году его войска покорили Казанское ханство. По приказу Ивана из взятой штурмом столицы выселили коренных жителей, заменив их подданными царя, — эта тактика была прежде опробована в Новгороде и Смоленске. В 1556 году Иван одолел другого наследника Орды — Астраханское ханство. Россия полностью овладела важнейшим торговым путем по Волге. С точки зрения идеологии, московский

государь разгромил двух татарских царей — в русских летописях их продолжали называть именно так. Таким образом, когда Иван стал еще и царем казанским и астраханским, авторитет его значительно возрос. В дипломатической переписке он даже отдельно указывал годы правления Москвой, Казанью и Астраханью.

В 1557 году, через год после покорения Астрахани, Иван отправил послание вселенскому патриарху Константинопольскому Иосафу II с просьбой признать его царское достоинство. В сношениях с западными соседями Иван указывал на свои победы: "...Взяли есмя царство Казанское и царство Астороханское"⁹. Иноземцы его притязания на царский титул воспринимали по-разному. Через четыре года из ответа вселенского патриарха, желавшего признать нового православного самодержца — своего потенциального защитника, Иван IV узнал следующее: "В соборней великой церкви написали имя твое и по воскресеньям соборне молят и поминают со преж бывших царей православных"¹⁰ (то есть византийских императоров). В Священной Римской империи были более осторожны, так как новый титул московских правителей ослаблял ее всемирный авторитет. В 1576 году Максимилиан II предложил Ивану в случае разгрома турок пользоваться титулом восточного цесаря — отсылая к той же византийской традиции.

В 1558 году Иван Грозный, уже получивший признание вселенского патриарха, но не дождавшийся того же от западных правителей, двинул свои войска на запад. Первым актом Ливонской войны, которая продлится ровно четверть века, стало вторжение на земли Ливонского ордена, одряхлевшего государства, основанного тевтонскими рыцарями на территории нынешних Латвии и Эстонии. Кампания началась победами русских ратников, однако разгром ливонцев стал сигналом к мобилизации соседних с орденом государств, напуганных угрозой из Москвы. Великое княжество Литовское, оборонявшееся от атак Московии с конца XV века, пришло на помощь ливонцам — и само потерпело поражение.